

КАЦНЕЛЬСОН С. Д.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

Лингвистическую типологию по традиции или точнее, быть может, по своего рода инерции мысли и ныне иногда определяют как учение о морфологических классах или типах языков. Верное в общих чертах для ранних исторических форм типологии, сложившихся в немецком романтическом языкознании начала XIX в., такое определение в настоящее время уже устарело. Понятия «класса» и «типа», лежащие в основании типологии языковедов-романтиков, хотя и соприкасаются в некоторых существенных пунктах, но в целом, как заметил в свое время виднейший представитель последующего поколения немецкой типологии Г. Штейнталь, далеко не тождественны. Более того, в ряде отношений они вовсе исключают друг друга и не могут быть совмещены в рамках единой концепции. Соответственно не совпадают и производные от них понятия «классификации» и «типологии». Во избежание возможных недоразумений заметим, что термин «типология» неоднозначен и употребляется в двух разных значениях — общем и специальном. Если в специальном значении этот термин используется для обозначения типологической концепции Штейнталья и его школы, то в более общем значении под ним имеется в виду любая типология, а не только штейнталевская. Термин «морфологическая классификация языков» в этом отношении более однозначен; он употребляется только для выделения той разновидности типологии, которая опирается на понятие морфологического класса языков и восходит к морфологической классификации языковедов-романтиков, из критики которой выросла собственно типологическая концепция Штейнталья.

Сказанное означает, что термин «типология» претерпел эволюцию, в результате которой имело место обобщение выражаемого им понятия. Вместе с тем, однако, старое значение термина, выделяющее учение о типах языков, также сохранено в термине, что сделало этот термин двусмысленным.

Другое замечание касается подчеркиваемой во многих определениях типологии органической связи типологии с морфологией. Такое понимание действительно было присуще начальной поре в развитии интересующей нас лингвистической дисциплины. Но к нашему времени этот взгляд устарел и больше не отвечает состоянию науки. Разрушительная критика времени сказалась не только на понятии морфологического класса, но и на идее, согласно которой морфологии принадлежит монопольное право служить областью приложения типологических методов. С некоторых пор, особенно интенсивно с начала XX в., появляются типологические исследования и в области синтаксиса (учение о структурных типах предложения). А в самые последние годы интерес к типологии принял настолько широкий характер, что порожденная им «типология универсалий» едва ли не охватила все «уровни» языкового строя, обнаружив таким образом тенденцию к слиянию с общей лингвистикой.

Что же представляет собой типология и какое место должно принадлежать ей по праву в общей системе лингвистических дисциплин? Чтобы разобраться в этом вопросе, полезно будет, как нам представляется, проследить ход развития интересующей нас науки и предпринять попытку вскрыть внутреннюю логику ее сложного и подчас неожиданного развития. А чтобы понять сущность типологии, важно прежде всего учесть, что, подобно сравнительно-исторической грамматике родственных языков, типология также является разновидностью сравнительного языкознания,

добывающего свои исторические факты путем систематического сопоставления строевых элементов различных языков.

Типологию можно определить как раздел компаративистики в широком смысле этого термина. Компаративистику обычно определяют слишком узко, отождествляя ее со сравнительной грамматикой родственных языков. Между тем имеются веские основания различать компаративистику в расширенном значении как науку, опирающуюся на сравнение любых (в принципе всех) языков, безотносительно к их внутреннему строю, и компаративистику в узком смысле, занимающуюся сравнительным изучением генетически родственных языков. В целом же компаративистикой, или сравнительно-историческим языкознанием, принято называть лингвистическую науку, занимающуюся систематическим сравнением строевых элементов родственных языков в целях реконструкции их исторического прошлого. В таком определении сравнительное языкознание ограничивается кругом родственных языков, в совокупности образующих особую семью языков, например, индоевропейских или угро-финских. Между тем сравнительный метод может применяться не только в пределах определенной семьи языков, но и за пределами такого рода семьи. Всякое сравнение предполагает сходство сравниваемых языков в том или ином отношении.

О всякой типологии можно сказать, что она является специфической областью сравнительного языкознания, т. к. обе эти науки пользуются сравнительно-историческим методом, опираясь при этом на факты структурных сходств и различий в сопоставляемых языках. Как в свое время заметил выдающийся индоевропеист А. Мейе, следует различать две разновидности сравнительного изучения языков. «Сравнение, — писал он, — может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения. Оба вида сравнения совершенно закономерны и весьма различны» [1]. Хотя Мейе прямо не называет при этом типологию и сравнительно-историческое языкознание, но можно думать, что, говоря о сравнении, ориентированном на добывание исторических сведений, он имел в виду то, что традиционно называют сравнительно-историческим языкознанием, а говоря о языкознании, призванном обнаружить «общие закономерности», он подразумевал типологию. Такое разграничение двух сравнительных методов, в зависимости от целей сравнения, несомненно, имеет под собой реальную почву, но нуждается в некоторой экспликации. Противопоставление «общих закономерностей» и «исторических сведений» закономерно лишь для того, кто в исторических фактах усматривает только хаотический поток случайных событий, для кого история — это не более, чем калейдоскоп разновременных и внутренне бессвязных событий. Конечно, в общем потоке исторических процессов и событий содержатся цепи событий различного характера. Имеются цепи различной природы. Во многих случаях поток событий состоит из разнородных, случайно совпавших друг с другом во времени и в сущности независимых друг от друга исторических процессов. В случаях другого рода мы имеем дело с закономерными проявлениями единого исторического процесса, внутренне связанными между собой. Процессы первого рода можно назвать конstellляциями. Что же касается событий второго рода, то только их и можно называть историческими закономерностями.

«Общие закономерности» противопоставляются у Мейе «историческим сведениям», как будто сведения исторического характера полностью исключают «общие закономерности». В действительности, однако, область конкретно-исторических сведений отнюдь не исключает их органической связи с «общими закономерностями». Различие между сравнительно-историческим и сравнительно-типологическим языкознанием проходит, надо думать, по иной линии. Можно было бы привести и другие высказывания, в которых философы и социологи по-разному оценивают и обсуждают перспективы сравнительного изучения языков, оптимальные возможности использования сравнения с целью разработки истории языка, принципы отбора языков в плане уточнения материала, на базе которого в дальнейшем будет осуществляться то или иное исследование, и т. д. Нужно заме-

тить, что во всех этих случаях рассуждения не выходили за пределы предварительных соображений, прикидок общего порядка, непосредственно еще не связанных с анализом конкретных материалов, подлежащих сравнительному изучению языков. То были скорее подготовительные шаги к сравнению языков, чем конкретная разработка методов сравнительного анализа.

Для немецких языковедов-романтиков типология с самого начала была чем-то несравненно более содержательным, весомым и значимым, чем только способом распределения зарегистрированного наукой множества языков по определенным рубрикам. Уже в своих первых проявлениях типологические исследования языка были связаны с поисками закономерностей в области исторического формирования грамматических форм. Если на этом пути романтики не добились положительных успехов, то объяснить это можно тем, что почва для историко-типологических исследований в ту пору не была еще подготовлена. Первые попытки выявить исторические закономерности развития грамматического строя не дали ощутимых результатов уже в силу того факта, что серьезных исторических исследований в данной области тогда еще не существовало и что самый круг подлежащих исследованию проблем не был в достаточной мере очерчен. То, чего романтики здесь добились, было предварительной постановкой вопроса.

Первые же типологические исследования, появившиеся в XVIII—XIX вв., содержали в себе элементы генетико-объяснительного подхода к языковым явлениям, предвзято возниковавшие и бурное развитие сравнительно-исторического языкознания в XIX в. Изначальная связь типологии и компаративистики отнюдь не случайна. При всем различии целей и отдельных методов исследования эти науки обнаруживают не только общие корни, но и постоянное контактов, поддерживаемых на основе активного противостояния и взаимной дополнительности. Уже Ф. Шлегель, впервые выдвинувший идею такой классификации, видел в ней нечто несравненно более существенное. Речь шла о «естественно-исторической» или «глоттогонической» классификации, сулившей пролить свет на общие закономерности развития языков и прежде всего их грамматического строя. Едва ли не впервые в истории науки был поставлен вопрос о законах развития грамматического строя, к тому же ставился он не в плане умозрительных гаданий и досужих измышлений, а на конкретном анализе фактов незадолго до того появившихся в поле зрения европейской науки разноструктурных языков.

Конечно, появление новой лингвистической дисциплины — типологии не явилось продуктом мгновенного озарения гениального ума. Историческая подготовка почвы для возникновения новой науки и связанного с нею метода шла в течение нескольких веков. Чтобы составить себе реальное представление о том, что такое типология, надо обратиться к идейным истокам этой лингвистической дисциплины. Уже с самого начала следует заметить, что типология возникает и обособляется относительно рано по мере кристаллизации идеи сравнительного изучения языков, причем содержание типологических исследований заметным образом изменяется с каждым шагом ее поступательного движения.

Типология и сравнительно-историческое языкознание — две родственные дисциплины, возникшие почти одновременно в начале XIX в. Обе они, хотя и по-разному, реализовали тенденцию, наметившуюся со времен знаменитой «Всеобщей и рациональной грамматики», вышедшей из стен янсенистского аббатства Пор-Рояля (1660 г.). Задачей этой грамматики было, по словам ее авторов А. Арно и К. Лансело, выявить как основания «явлений, общих для всех языков», так и «главных, встречающихся в них различий» [2, 3]¹. В этом положении «Всеобщей грамматики» имплицитно

¹ Авторы этой грамматики предвосхитили некоторые современные идеи о структуре процессов речеобразования. В целом, однако, исключительная ориентация на логику подавляла французских языковедов и ставила грамматику в одностороннюю зависимость от фигур логики. Поскольку познавательные потенции логической грамматики оказались заранее весьма ограниченными, то в дальнейшем логической грамматике ничего не оставалось, как заимствовать свои категории из новых философских систем, либо конструировать их произвольно, без дальнейших обоснований. Все это

содержалась уже идея сравнительного изучения строя разных языков. «Сходства» и «различия» в сумме как раз и составляют то, что *in pace* содержит в себе идею сравнительного изучения различных по своей структуре языков.

Важность сравнительных штудий была вскоре осознана такими выдающимися мыслителями и естествоиспытателями XVI—XVIII вв., как П. Л. Мопертюи, А. Р. Тюрго и Г. В. Лейбниц. Перед исследователями встала задача разработки методики сравнительных исследований и необходимого для этой цели отбора конкретных материалов. В этом плане несомненный интерес представляет полемика, разгоревшаяся по данному вопросу между философом, математиком и естествоиспытателем П. Л. Мопертюи и социологом А. Р. Тюрго. Мопертюи полагал, что главный интерес в этом плане представляют языки, резко отличающиеся один от другого и тем самым создающие предпосылки для контрастивного их изучения. «Многие языки,— писал он,— являются точно переводами одни с других; выражения идей в них построены одним и тем же способом, поэтому сравнение таких языков между собой не может нас ничему научить. Но встречаются языки, в особенности у весьма отдаленных народов, которые как будто были образованы на связях идей, столь отличных от наших, что почти невозможно переводить на наши языки то, что было на них выражено. Сравнение этих языков с другими языками могло бы дать много полезного философскому уму». Особо останавливаясь на языке так, называемых «диких» народов, Мопертюи заключает свое высказывание словами: «...*жаргоны* наиболее диких народов могли бы быть для нас более полезны, чем языки народов, наиболее изощренных в искусстве говорить, и лучше научили бы нас истории нашего разума» [4, с. 13]. Знаменитый французский экономист и мыслитель А. Р. Тюрго возражал ему: «Эти связи идей, отличные от наших, являются изобретением г. Мопертюи. Всем народам свойственны одни и те же чувства, а идеи образуются посредством чувств...». «Трудность перевода отнюдь не так велика, как изображает Мопертюи» [4, с. 12]. Возражая Мопертюи, Тюрго все же признает: «Языки диких народов, конечно, могли бы нас лучше просветить относительно первых шагов, сделанных человеческим разумом» [4, с. 13]. И далее Тюрго по существу соглашается с ним, вслед за Мопертюи поддерживая мысль о том, что исследование языков может явиться важным источником реконструкции истории человеческого интеллекта.

По мнению А. Р. Тюрго, при исследовании какого-либо конкретного языка следовало бы рассмотреть проблему происхождения и начала языков, проследить ход идей, влиявший на их образование и развитие, раскрыть принципы общей грамматики, регулирующей все языки, подробно проследить «следствия, вытекающие из различных смещений языков». Мыслители XVII—XVIII вв. лелеяли, таким образом, планы всесторонней разработки науки о языке. Они стремились проследить нити, ведущие от языка к мышлению и от мышления к языку, усматривая в этом возможность совершенствования не только науки о языке, но и сопредельных с нею наук. Они тонко выделяли возможные аспекты исследования языка, его грамматического строя, этимологии, зависимости языка от истории говорящего на нем народа, процессов смещения языков в связи с развитием хозяйственных и политических контактов между народами, говорящими на этих языках, миграциями, торговлей, развитием средств передвижения. Они предвидели выгоды, которые сулит развитие науки о языке, логике и философии.

Особенно значительны мысли А. Р. Тюрго, изложенные им в наброске оставшегося неосуществленным общего труда по теории и истории

не могло не вести к компрометации логической грамматики и ее окончательному упадку. Становилось очевидным, что даже явно ограниченный репертуар категорий, накопленный грамматической традицией, не может получить сколько-нибудь убедительной интерпретации на базе рационалистических предпосылок. Противостоявшая рационалистической грамматике эмпиристическая тенденция в грамматике получила выражение в философской концепции Локка и в грамматике Хэрриса.

языка. Язык подлежал в нем рассмотрению с двух точек зрения — с точки зрения его мыслительного содержания и с точки зрения истории развития его звуковых форм. Что касается первой из этих сторон, то в наброске труда Тюрго она получала следующее обоснование: «Хорошо выполненное изучение языков было бы, может быть, наилучшей логикой: анализируя, сравнивая слова, их составляющие, следуя за ними от их образования до различных значений, которые им впоследствии присвоили, мы проследили бы, таким образом, нить идей; мы увидели бы, через какие ступени, через какие оттенки люди прошли от одного значения к другому; мы уловили бы имеющуюся между ними связь и аналогию; мы могли бы дойти до открытия первичных значений и до выявления порядка, который люди соблюдали в сочетании этих первых идей. Эта своего рода *экспериментальная метафизика* была бы в то же время историей разума человеческого рода и прогресса его мыслей, всегда соразмерного с потребностью, породившей эти мысли. Языки являются одновременно их выражением и мерилom» [4, с.146].

Что касается второй точки зрения — исторической, — то в этом плане Тюрго подчеркивает значение исторических памятников, топонимии, следов языковых смещений, этнографических и других фактов. Так намечаются два важнейших аспекта исследования языков — логико-семантический и исторический. Называя первый из этих аспектов «своего рода экспериментальной метафизикой», Тюрго видит в нем средство поставить изучение логики и философии на материалистические основания, превратить философию в историю «разума человеческого рода и прогресса его мыслей, всегда соразмерного с потребностью, породившей эти мысли» [4, с. 146].

Так закладывается начало двух историко-лингвистических дисциплин — истории звуковой стороны языка и истории мыслительного его содержания. Теоретическая и материальная подготовка нового направления началась уже вскоре после провозглашения идеи сравнения. *Expresis verbis* идею сравнительной грамматики сформировал Г. В. Лейбниц, который усматривал возможность перехода от «всеобщей грамматики» к сравнительно-исторической. Он подчеркивал: «...тот, кто написал бы всеобщую грамматику, поступил бы хорошо, перейдя от сущности языков к рассмотрению их в том виде, как они реально существуют, и к сравнению грамматик различных языков» [5].

Философы и социологи увлечены теперь перспективой развития сравнительного языкознания. Их воодушевляет надежда проникнуть в законы развития языка и органически связанного с ним мышления. Они задумываются над тем, каков должен быть круг языков, привлекаемых исследователем к сравнению. В этих своих размышлениях они, однако, еще не выходят за пределы соображений и прикидок самого общего порядка. Но в детали сравнительного анализа сближаемых явлений они еще не вдаются, как и не углубляются в разработку методики.

Носившаяся в воздухе идея сравнительного языкознания была реализована позднее, когда к исходу XVIII в. в круг интересов европейской филологии попали два азиатских древнеписьменных языка — древнеиндийский и древнекитайский. Расширение географических горизонтов европейской филологической науки поставило исследователей перед принципиально новыми фактами и связанными с ними новыми проблемами. Открывшийся им факт материального родства древнеиндийского языка с древними европейскими языками, и прежде всего классическими, побудил их ближе заняться фактами родства и систематическим их описанием. Стимулом к исследованиям в области типологии послужило ознакомление европейских ученых с китайским языком, изолирующий строй которого резко контрастировал с морфологией древних индоевропейских языков, богатой флективными формами. Моносиллабический по своему корневому составу, почти лишенный спряжения и склонения, китайский язык мог показаться европейским исследователям малоразвитым языком, застывшим на начальном уровне грамматического развития. Известную роль в преувеличении значимости европейских язы-

ков по сравнению с восточными могли сыграть и европеистские настроения, побуждавшие видеть во всем европейском проявлении высшего совершенства [6].

Новые факты и связанные с ними проблемы открыли новую эпоху в развитии науки о языке. Если ранее объектом лингвистического исследования был всегда, за редкими исключениями, только один, как правило, родной для исследователя язык, то теперь наряду с моноглоттическими и исследованиями начинают появляться и полиглоттические, основанные на одновременном охвате нескольких, а то и многих языков. Одновременно в соответствии с задачами идентификации родственных фактов и выявления оснований их сближения изменился и метод исследования. Выявление как элементов сходства, так и расхождений в строе сопоставляемых языков ставило перед исследователями задачи исторической интерпретации и стратификации фактов. Реконструкция непосредственно не засвидетельствованных звеньев процесса также вставала на повестку дня. Сравнительное языкознание явно обнаруживало тенденцию к перерастанию в сравнительно-историческое языкознание. Под сравнительно-историческим языкознанием обычно понимают сравнительное изучение родственных языков, например, индоевропейских или семитских. Но и возникшая одновременно со сравнительным языкознанием индоевропейских языков типология также является в некотором смысле сравнительной и исторической.

В исследованиях нового типа оттачивается теперь новый, сравнительный метод, позволяющий сопоставлять данные разных языков, в том числе и языков, относящихся к разным эпохам. Сравнительные исследования открывают вскоре путь для исторического освещения языка, реконструкции его исторического прошлого. В итоге сравнительный метод исследования перерастает в сравнительно-исторический.

Историю типологии как особой лингвистической дисциплины (во всяком случае, на европейском континенте) обычно возводят к морфологической классификации языков, предложенной немецкими языковедами-романтиками в начале XIX в. Согласно этой точке зрения типология является плодом немецкого романтизма, а первой исторической формой типологии является морфологическая классификация языков. На деле, однако, такая точка зрения весьма грубо отражает историческую реальность и, можно сказать, искажает ее. Легенда о морфологической классификации языков как первичной исторической форме типологии могла сложиться лишь потому, что престиж немецких языковедов-романтиков был чрезвычайно высок, и казалось, будто неожиданный взлет языкознания в XIX в. является почти исключительной заслугой немецкой языковедческой науки. В действительности, однако, первые опыты в области типологических исследований появились в Англии за полвека до появления романтической традиции на европейском материке. Родоначальником типологии как особой лингвистической дисциплины был выдающийся английский социолог и экономист Адам Смит, опубликовавший специальный трактат «О первоначальном формировании языков и различии духовного склада исконных и смешанных языков» [7]. Это сочинение, в котором ясно прослеживается исконная близость типологии и истории языка, к сожалению, до последнего времени оставалось в лингвистике неизвестным и заметного воздействия на развитие типологии не оказало [8], хотя именно теория Смита в ряде существенных пунктов превосходила романтические построения в этой области.

Языкознание давно уже образует сложную систему лингвистических дисциплин, общая классификация которых намечена лишь вчерне. Многие из таких дисциплин сложились стихийно в разное время и под воздействием различных идейных тенденций. Связи между отдельными лингвистическими науками поэтому не всегда достаточно последовательны и систематичны. В ходе исторического процесса отношения между ними могут существенно пересматриваться и в конечном счете превратиться в сложный клубок разнородных и противоречивых определений. Каждое новое поколение исследователей вытягивало из такого клубка

лишь отдельные нити, представляющиеся ему особенно актуальными и перспективными для данной эпохи. В итоге единство традиции «размывалось» и определенная отрасль науки превращалась в разрозненные и мало связанные между собою звенья, объединяемые лишь тождеством наименования, переходившего по наследству от одной концепции к другой.

Именно так получилось с типологией, обособившейся в качестве самостоятельной науки в XVIII—XIX вв. Типология возникла сначала в Англии, где она формировалась в атмосфере английской материалистической философии и опытной науки, и позднее в Германии под идейным воздействием немецкого романтизма с его в общем прогрессивными, но вместе с тем несколько туманными, а порой и мистическими тенденциями. В каждом из названных регионов типология принимала самобытные формы и носила печать особой идейной атмосферы, в которой совершался процесс созревания ее исходных положений.

В отличие от типологов романтического толка, для которых развитие языкового строя начиналось с односложных «корней», о смысловом содержании которых говорилось очень мало, Смит отвел много места рассмотрению контентивной (содержательной) стороны грамматического строя. Развитие языка начинается, по Смицу, не с «гипотетических» корней, о которых почти ничего не известно, кроме того, что они поначалу односложны и в ходе дальнейшей эволюции обнаруживают таинственную способность к сращению в многосложные образования, а с синкретических слов, каждое из которых само по себе, без дальнейших добавлений, могло выражать целостное событие (event) или факт (matter of fact), например, *медведь идет*². Лишь впоследствии, побуждаемые необходимостью и повинувшись природе вещей, люди научились расчленять события на их абстрактные (у Смита «метафизические») составные элементы, в результате чего появляются слова, выражающие «частичные», т. е. вычлененные из целостного события, значения. Выражение события становится отныне сложным (intricate). Вместе с тем имеет место разделение функций между словами, что ведет к образованию частей речи. Возникают имена и глаголы, числительные и местоимения, знаменательные и служебные слова. Вследствие такой специализации слов вся система языка становится более когерентной, легче усваиваемой и удобопонятной. Возникают необходимые предпосылки для составления предложений и сложных лексических образований.

Процесс формирования слов и грамматических форм был в представлении романтиков по преимуществу односторонним процессом постепенного сращения односложных «корней» в более сложные лексические и морфологические единицы. Смит говорит нечто сходное. Он допускает, например, что формы спряжения и склонения сложились в результате сращения вещественных слов с местоименными и служебными словами. Сходную идею выскажет впоследствии и Ф. Бопп. Но для Смита возникновение сложной системы спряжения и склонения является прежде всего следствием роста абстрагирующей силы формирующегося мышления. Основная тенденция развития сводится, по Смицу, к процессу прогрессирующего вычленения отдельных мыслительных категорий из глобальных образов формирующейся мысли. Смит едва ли не первым высказал идею о возникновении языка с активного сообщения об актуальном событии. Исходным пунктом этого процесса являются у него не имена, не названия предметов, а слова, выражающие целостные, еще не расчлененные на составные элементы события. Тем самым отвергается наивная точка зрения, согласно которой язык — это прежде всего номенклатура, т. е. перечень терминов, соответствующих такому же количеству вещей. Эта точка зрения, которую Соссюр назвал «упрощенной», поскольку она «позволяет предположить, что связь, соединяющая имя с

² Мысль А. Смита о генетическом предшествовании событийных (предикативных) наименований лексическим имела известную историческую перспективу (междометная и другие теории в современном языкознании).

вещью, есть нечто совершенно простое» [9], безраздельно господствовала и поныне широко распространена во многих теориях происхождения языка. Лишь относительно недавно психология детской речи и мышления отвергла этот наивный взгляд и сформулировала для онтогенеза речи положение, давно выдвинутое Смитом для филогенеза языка.

Заслуги Смита перед типологией не ограничивались открытием некоторых закономерностей развития содержательной стороны языка. Задолго до романтиков Смит занялся вопросами трансформации морфологического строя языков и, в частности, ранее А. Шлегеля отметил переход ряда европейских языков от синтетического строя к аналитическому. Следует, однако, подчеркнуть, что исследование Смита движется в русле позднейшей истории, стремится вскрыть механизмы реально засвидетельствованных процессов.

Обобщая все сказанное, можно заметить, что Смит значительно шире и глубже представлял себе задачи новой науки. Открыв различие синтетического и аналитического строя, он не только осмыслил их как различные морфологические классы, составляющие вместе с тем и последовательные ступени в историческом развитии ряда европейских языков, но, не остановившись на этом, сделал многое для причинного обоснования такого развития. Насколько можно судить, он был первый, кто указал на роль процессов интерференции в упрощении морфологического строя. Концепция Смита не была подхвачена дальнейшей традицией в развитии типологии и осталась забытой. Лишь в наши дни идея синкретических слов-предложений вновь проложила себе путь в науке. ✎

В первых исследованиях немецких языковедов-романтиков ссылок на лингвотипологические рассуждения английского социолога мы не найдем. Возникшая на полвека позже типологическая традиция в Германии не обнаруживает следов влияния трезвой, выдержанной в духе лучших традиций английского классического материализма типологической концепции Смита.

Непрерывная историческая традиция типологии как науки сложилась в Германии под воздействием «туманной», как назвал ее Пушкин, учености немецкого романтизма. Типология начинается с трудов братьев Ф. и А. В. Шлегель, Ф. Боппа, А. Шлейхера и В. Гумбольдта. Эти ученые положили начало генетическому языкознанию, опирающемуся на явления структурного сходства в сопоставляемых языках.

Новые факты и связанные с ними проблемы открыли новую эпоху в развитии языкознания. Если предшествовавшая эпоха в развитии лингвистической науки характеризовалась исследованиями отдельных языков, вне их соотношения с другими языками, то теперь перед наукой во весь рост встала проблема множественности языков и форм их взаимосвязи. Пока наука не столкнулась с этой проблемой в процессе активного познания, проблема как таковая для нее не существовала. Между тем многоязычие является реальной проблемой, нуждающейся в прояснении.

Сам по себе факт множественности языков не требует специального объяснения. Язык рассматривается всегда в соотношении с какой-либо говорящей на данном языке этнической группой, и если мы сталкиваемся со случаями нарушения омоморфизма языка и его социального носителя, то специального объяснения требует не сам по себе этот факт, а факт относительно редкий, факт отсутствия омоморфизма.

Идею классификации языков, номенклатуры морфологических типов в первые выдвинул Ф. Шлегель, один из выдающихся представителей немецкого романтизма. Распределение языков по классам было для романтиков с самого начала чем-то более значительным и существенным, чем только способом внешнего упорядочения зарегистрированного в науке множества языков. Речь шла о «естественно-исторической классификации», обещающей пролить свет на процессы становления грамматического строя и словотворчества, а также о вполне достоверном факте родства индоевропейских языков — факте, все более подтверждавшемся по мере развития сравнительно-исторической грамматики индоевро-

пейских языков. Перед наукой вставал также сложный и во многом неясный вопрос о природе флективной морфологии и ее соотношении с изолирующим строем китайского языка. Сама по себе природа китайской морфологии представляла проблему, приблизиться к которой можно было только с помощью смелых и изощренных гипотез.

Предложенная языковедами-романтиками гипотеза основывалась на механистическом естествознании XVII—XVIII вв. Романтики рассматривали все объекты, способные к спонтанному развитию, как своего рода «организмы», противопоставляя их «неорганическим», или, что то же, «механическим» объектам. В отличие от Аделунга, считавшего все языки механизмами, романтики сочли возможным отнести наиболее развитые языки к числу «организмов». Особое впечатление произвело на них отличие китайского языка с его изолирующим строем от морфологического строя многих других языков и прежде всего от индоевропейских языков флективного типа.

Европейским исследователям, воспитанным на грамматике классических языков, древнегреческого и латинского, почти полное отсутствие спряжения и склонения в китайском языке должно было казаться едва ли не аграмматизмом, что означает отсутствие всякого грамматического строя вообще. Романтики с их принципиальной генетической установкой усмотрели в этом древнейшее исходное состояние языка. То был, как им казалось, еще совсем неразвитый язык, состоящий из «голых», т. е. бесформенных, корней. В европейской грамматической традиции термин «корень» обозначает главную часть словоформы, несущую на себе лексическое значение. Корень в таком понимании — это не самостоятельный элемент языкового строя, а сегмент словоформы, вычленяемый исследователем в результате анализа грамматических форм в парадигме. В применении к китайскому языку этот термин получал иное значение. В изолирующем строе китайского языка корень — это уже не абстрактный элемент синтетической словоформы, а нечто иное, прямого отношения к флективной морфологии не имеющее.

Ф. Бопп, ранее склонявшийся к отождествлению структуры китайского и индоевропейского корня, впоследствии отказывается от такой точки зрения. «Подлинных корней, — пишет он позднее, — в китайском нет, поскольку корень необходимо предполагает словарное гнездо, или, что то же, семью слов, средоточием которых он является» [10]. Основатель сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков не соглашался с Ф. Шлегелем, приписывавшим корню флективных языков способность порождать из себя флексию. «В индийском или греческом языке, — писал Ф. Шлегель, — каждый корень действительно соответствует своему наименованию, это словно бы живой зародыш; ибо если понятийные отношения выражаются с помощью внутренних изменений, то тем самым открывается путь к дальнейшему развитию и полнота развития может возрастать в неподдающихся определению масштабах» [11]. Ф. Шлегель допускал в конечном счете, что корни индоевропейских языков, подобно растениям, могут давать новые побеги и тем самым порождать внешнюю флексию. Ф. Бопп, как уже говорилось, решительно возражал против таких представлений, а типолог последующей формации Г. Штейнталь осуждал их. «Из этого неясного изложения, — писал он о соответствующих высказываниях Ф. Шлегеля, — явно вытекает, что отношения органической природы распространяются здесь непосредственно на язык и что в этой непосредственности проявляется мистицизм и грубость мысли» [12]. Все же Бопп находил, что хотя предложенное Ф. Шлегелем членение языков и несостоятельно в своих основных положениях, сама по себе идея естественно-исторической классификации языков включает в себе много здравого [10, с. 204—205]. В обоснование этой мысли Бопп, опираясь на положения Шлегеля, выделяет три класса языков, приближающихся к этой идее. Это, во-первых, языки без корней, не способные к словосложению, в силу чего они лишены «организма» и не имеют грамматики. К ним относится китайский язык, в котором все, как кажется, состоит из «голых» корней,

а грамматические категории и побочные отношения в основном узнаются из позиции слова в предложении [10, с. 204—205]. Ко второму классу он относит языки, односложные корни которых обнаруживают способность к сложению и которые образуют свою грамматику лишь на этом пути. Словообразование в этих языках осуществляется по преимуществу путем сложения глагольных корней с местоименными. К этому классу относятся индоевропейские и многие другие языки. К третьему классу относятся семитские языки, образующие свой грамматический строй не только путем корнесложения, но также путем внутренней модификации корня.

Классификация Боппа, основанная на признаке сложения корней, отсутствия корнесложения или сочетания корнесложения со звуковыми модификациями корней, хотя и свободна от искусственных гипотез Ф. Шлегеля, но в целом также не дает достаточно обоснованного представления об общих закономерностях становления и развития грамматического строя в разных языках, т. е. адекватного освещения вопроса.

Основным средством выражения грамматических отношений всюду являлось, по Боппу, сложение корней. В индоевропейских языках оно достигалось путем сложения глагольных и местоименных корней. Этот прием используется во многих языках мира. В некоторых языках, например, семитских, мы находим специфическое разграничение лексической и грамматической морфологии. Согласные в семитских языках выступают как носители лексических значений, тогда как грамматические отношения выражаются модификациями гласных. Бопп, как мы видим, стремится выявить технические средства, к которым прибегают языки в своем грамматическом строе. Историко-генетический момент сводится у него к разграничению дограмматического и грамматического состояния.

Развитая Боппом теория «сращения корней» или, как чаще ее называют, «теория агглютинации», была несомненно существенным прогрессом сравнительно со взглядами Шлегеля. Но и в бопповской теории сохранялись недостатки, долго оставшиеся незамеченными. В составе индоевропейских грамматических форм Бопп, помимо корней и окончаний, находил еще показатели основ. Так, в греческой форме *lei-po-men* явно выделяются три сегмента: корень (в грамматическом значении этого термина), показатель основы и окончание. Могут ли эти сегменты быть сведены к первобытным корням в соответствии с бопповской теорией агглютинации, вопрос не простой.

В итоге намечается историко-морфологический процесс, протекающий в трех исторических стадиях — корневой, агглютинативной и флективной. Движущей силой этого процесса оказывается в представлении ученого таинственное стремление к агглютинации, происхождение и механизмы которого остаются неизвестными. Предполагаемые процессом агглютинации стадии становятся основой всеобщей классификации языков, которую Бопп называет «естественно-исторической» и которая заслуживает серьезного внимания как первая попытка историко-генетического освещения процессов становления грамматического строя. Сращение и степень прогрессирующей интеграции сросшихся корней становится в романтической теории не только основой всеобщей классификации языков, но также и универсальной закономерностью глоттогонического процесса.

На первых порах романтическая типология не была еще отделена достаточно резко от сравнительной грамматики родственных языков. В первом томе «Сравнительной грамматики индоевропейских языков» Ф. Боппа много места занимают страницы, посвященные теории агглютинации. Впоследствии, однако, одна из этих сравнительно-исторических дисциплин резко отмежевывается от другой. Что же их разделяет? Чем отличается типология, по своей природе также являющаяся сравнительной наукой, от сравнительной грамматики родственных языков? Пожалуй, различие между сравнительно-типологическим и сравнительно-историческим методами, как указывалось выше, сводится к тому, что первый из них способствует выявлению общих закономерностей, тогда как второй

позволяет получать исторические сведения. В таком понимании типологическое сравнение диаметрально противоположно историческому и всякое историко-типологическое исследование исключается *ex definitio*.

Благодаря своей ясности и внешней убедительности морфологическая классификация до сих пор удерживает определенные позиции в науке. Многим она и теперь еще представляется классическим примером типологического рассмотрения языков. При этом, однако, исследователи, придерживающиеся такой точки зрения, не дают себе труда проанализировать понятия, лежащие в основе морфологической классификации, и меру ее обоснованности.

Вычленение ряда морфологических классов языков было положительным итогом деятельности романтической типологии. Кроме флективных и изолирующих языков, ей были также известны агглютинативные языки, т. е. языки, в которых грамматика выражается суффиксами и префиксами, сохраняющими полусамостоятельное значение. Среди флективных языков ею различались языки с внешней и внутренней флексией. Существенное значение для дальнейшего развития типологии имело проведенное А. Шлегелем деление флективных языков на аналитические и синтетические. Как было показано, некоторые флективные языки в ходе дальнейшего развития в значительной мере утратили флексию, заменив ее служебными словами.

Последнее наблюдение не могло не вызвать путаницы, поскольку процесс падения флексии существенным образом затрагивал романтические представления о развитии морфологического строя. С точки зрения изложенной выше теории агглютинации этот процесс был необъясним: он мог трактоваться лишь как своего рода движение вспять. А. Шлейхер, пытавшийся примирить новые факты с теорией агглютинации, вынужден был ограничить действие тенденции к образованию флексии лишь начальной эпохой в формировании индоевропейских языков. Что же касается позднейших собственно исторических эпох, то для них он допускал господство противоположной по своей направленности тенденции к стиранию флексии. Открытая А. Шлегелем тенденция к переходу от синтетического строя к аналитическому была, таким образом, возведена Шлейхером в закономерность. Но это в сущности означало отказ от романтической теории агглютинации Боппа. Вместе с теорией агглютинации была поколеблена и связанная с нею идея генетической классификации языков, согласно которой каждый морфологический класс представляет собой определенную ступень глоттогонического процесса.

Романтики первыми внесли идею закономерного развития в теорию языка. Их генетические представления не были, однако, свободны от некоторых предвзятых и наивных идей. Основным показателем прогресса представлялась им степень грамматического развития языка. Против этого трудно было бы что-либо возразить, если бы только грамматические формы не рассматривались при этом односторонне, в отрыве от их функционального содержания. К тому же понятие грамматической формы понималось недостаточно широко. Из всей совокупности морфологических средств языка учитывались только те, которые основывались на сегментации словоформы, ее членимости на отдельные функционально значимые сегменты. Что же касается таких морфологических средств, как служебные слова, словопорядок, чередования фонем или просодем и т. п., то они совершенно выпадали из их поля зрения.

Из историко-морфологических процессов романтикам в сущности был известен процесс агглютинации, т. е. сращения и прогрессирующего сплочения первобытных односложных корней, являющийся скорее плодом романтической фантазии, нежели результатом этимологических реконструкций и историко-морфологических наблюдений. Гипотеза об агглютинативном происхождении грамматических форм доминировала в типологических построениях языковедов-романтиков. Ослепленные этой идеей, они порой не замечали, что некоторые, подводимые ими под понятие флексии явления, плохо согласуются с выдвинутой ими гипотезой.

В обоих случаях, как в случае с бопповской классификацией, так и

в отношении теории Смита, можно отметить указанную ранее связь типологической классификации со сравнительной грамматикой или с историей языка. Что же определяет эту связь? На этот вопрос можно ответить так: пока мы отмечаем какой-либо факт как особенность истории отдельного языка или определенной группы языков, мы имеем дело с фактами истории отдельных языков, т. е. с исторической грамматикой отдельного языка или сравнительной грамматикой группы родственных языков. Но как только мы обобщаем такой факт, открывая в нем какую-либо закономерность, например, связь перехода от синтеза к анализу с развитием абстрактного мышления, со смешением языков, либо обусловленность флексии в индоевропейских языках особой структурой корня, как частный исторический процесс обретает форму общей закономерности и превращается в факт типологии.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, с. 11.
2. *Arnauld A., Lancelot C.* Grammaire générale et raisonnée. Paris, 1660.
3. *Brekke H. E.* Die Bedeutung der Grammaire générale et raisonnée — bekannt als Grammatik von Port-Royal — für die heutige Sprachwissenschaft. — IF, 1967, Bd. 72, Hf. 1—2, S. 4.
4. *Турго А. Р.* Избранные философские произведения. М., 1937.
5. *Лейбниц Г. В.* Новые опыты о человеческом разуме. М.—Л., 1938, с. 263.
6. *Чернышевский Н. Г.* О классификации людей по языку. — Полн. собр. соч. Т. X. М., 1951, с. 848.
7. *Smith A.* Considerations concerning the first formation of languages and the different genius of original and compound languages. — In: *Smith A.* The theory of the moral sentiments. II. London, 1781.
8. *Кацнельсон С. Д.* Концепция лингвистической типологии Адама Смита. — ИАН СЛЯ, 1982, № 2.
9. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933, с. 77.
10. *Bopp Fr.* Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen. 3-te Ausg. Bd. I. Berlin, 1868, S. 204.
11. *Schlegel Fr.* Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, 1808, S. 50.
12. *Steinthal H.* Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft. Berlin, 1871, S. 5.